

43Л083К

Матиуш Хекматьяр

*Говорят, раньше было море, —
куда ни глянь, блики и волны, и так без конца...*

Матиуш Хекматьяр

43Л083К

«Издательские решения»

Хекматьяр М.

43Л083К / М. Хекматьяр — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502211-0

Источником для этого очерка послужили записи, сделанные персональным идентификатором горожанина 43Л083К, данные, сохранившиеся в блоках памяти релаксационных капсул, а также фрагменты некоторых произведений старого мира из закрытых архивов. Составитель взял на себя смелость собрать воедино те из них, которые (на скромный взгляд составителя) наиболее ярко отражают возникновение и прогрессирующее развитие болезни.

ISBN 978-5-00-502211-0

© Хекматьяр М.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Город	6
Неделя первая. Четверг	6
Неделя вторая. Суббота	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

43Л083К

Матиуш Хекматьяр

© Матиуш Хекматьяр, 2019

ISBN 978-5-0050-2211-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Источником для этого очерка послужили записи, сделанные персональным идентификатором горожанина 43Л083К, данные, сохранившиеся в блоках памяти релаксационных капсул, а также фрагменты некоторых произведений старого мира из закрытых архивов. Составитель взял на себя смелость собрать воедино те из них, которые (на скромный взгляд составителя) наиболее ярко отражают возникновение и прогрессирующее развитие болезни. Составитель не испытывает иллюзий относительно своей работы и заранее признает ее недостаточно полной и исчерпывающей.

Целью представленного документа является в большей степени упорядочивание имеющейся информации для последующего анализа, а не попытка объяснить причины и значение случившегося.

Этот документ должен быть закрыт для всех горожан с уровнем доступа ниже восьмого.

Часть первая. Город

Услышь меня и вытащи из омута.

Веди в мой вымышленный город, вымощенный золотом.

Oxxxumiron «Где нас нет»

Неделя первая. Четверг

Говорят, раньше было море. Куда ни глянь, блики и волны, и так без конца. Интересно, как это, когда вокруг нет ничего, кроме воды?

Я пытаюсь представить. Небо, немного подернутое дымкой у горизонта; полуденное солнце, висящее в зените; несильный, но порывистый ветер, хозяйничающий в и без того растрепанных волосах; крики морских птиц; и, конечно же, бесчисленное множество переливающихся, заставляющих прищуривать глаза бликов и огоньков, вспыхивающих и гаснущих на зеленоватых волнах, завораживающих своим плавным непрекращающимся движением.

Я погружаюсь в воду, она совсем прозрачная и мягко обволакивает тело. Звуки становятся тише и постепенно исчезают. Все вокруг замедляется и приобретает незнакомые зыбкие очертания. Я смотрю вверх, – косые лучи проникают в толщу воды, как будто вспарывая ее ножом, пытаюсь пробиться в этот густой, неподвластный воздуху мир. Но их силы хватает лишь на то, чтобы осветить небольшую прослойку, за которой, уходя в умопомрачительную бездну, начинается царство тьмы.

Почему-то мне в голову приходит образ насекомого, застывшего в янтаре. Я судорожно вдыхаю и открываю глаза. Вокруг нежно шелестит лес. Солнечные зайчики, пробравшись сквозь листья, рассыпаются по земле, нахально запрыгивают мне на лицо и, видимо, устыдившись подобной наглости, скрываются между деревьев. В траве распевают лишь им понятные арии насекомые.

Как-то я потратил целый час, пытаюсь найти хотя бы одно из них, но так и не преуспел. Возможно, создатели этого места решили, что для полноценного отдыха хватит и звука стрекочущей живности, а может, просто не смогли вспомнить, как же эти существа выглядели на самом деле.

Я встаю и потягиваюсь, – «Нет, ну правда, почему бы им не сделать здесь море, в конце концов, какая разница, что именно рассчитывают их компьютеры, движение волн или листьев...»

«Разумеется, все это полная ерунда, – я начинаю двигаться в сторону опушки, – психологи ясно показали, лес лучше всего поддерживает психику в здоровом состоянии, нет ни одной причины что-то менять».

В ушах раздается пиццание, – мой сеанс скоро закончится. Я перевожу взгляд на руку, над персональным идентификатором на псевдоголограммном экране парят оставшиеся мне пять минут отдыха. Как раз успею дойти до границы леса.

В эти последние мгновения я, как обычно, задумываюсь о тех днях, когда люди жили на поверхности Земли в окружении лесов, морей, гор. Тех дней, когда любой человек мог сколько угодно часов в неделю смотреть на небо. И о том, что это время ушло навсегда.

Говорят, история человечества – это история войн. А значит, мы изначально были обречены. Достаточно истощить ресурсы, загрязнить воздух и воду, еще сильнее увеличить разрыв между богатством и бедностью... Война была неизбежна, война, в которой не оказалось побе-

дителей, а немногочисленные выжившие укрылись в наспех построенных подземных городах-бункерах.

С тех пор прошло 197 лет. Люди ко всему приспосабливаются, вопреки любым сложностям цепляются за существование. Некоторое количество героизма и негуманных экспериментов, несколько блестящих открытий, и уровень жизни резко подскочил...

– Сеанс отдыха окончен, пожалуйста, закройте глаза, – отвлекает меня от исторических изысканий прямо-таки сочащийся сексуальностью женский голос. «Надо бы не забыть поменять озвучку», – успеваю подумать я, прежде чем провалиться во тьму.

Еще несколько секунд после того, как ко мне возвращается способность ощущать окружающий мир, я просто лежу с закрытыми глазами. Раньше в эти мгновения я мечтал, что, открыв их, снова увижу лес, а вся моя предыдущая жизнь окажется не более чем мимолетным видением. Но теперь я не сомневаюсь, от реальности так просто не отделаешься, – она, как паук, оплетает тебя своей паутиной, а любые попытки вырваться из нее лишь сильнее загоняют тебя в западню. Так зачем дергаться и расстраивать себя нелепыми иллюзиями, когда достаточно просто расслабиться и получать удовольствие от гарантированной стабильности и маленьких радостей, щедро поставляемых жителям Единой Социальной Службой.

Я открываю глаза, надо мной, на крышке релаксационной капсулы, шлет световые послания мой персональный идентификационный номер – 43Л083К.

Или, как его обычно называют, пи-мер.

Я слышал, что, когда их только ввели, многие возмущались, но на самом деле у персональных номеров есть множество преимуществ перед именами. Они не связаны с каким-то значением, которое может вовсе не нравиться их обладателю; они по-настоящему уникальны, а значит, являются удостоверением личности, – все это сильно упрощает взаимодействие человека с социумом и позволяет ему намного быстрее производить большинство ежедневно совершаемых операций. У пи-меров есть только один недостаток, неудобство произношения в повседневном общении, так что обычно их сокращают до какого-нибудь короткого прозвища. Меня вот зовут Лок.

Я откидываю крышку и вылезаю наружу. Релакс-зал как всегда полон народу. Люди ходят между рядами капсул, выбирают свободные и отправляются в свой краткосрочный виртуальный отпуск. Пока их разум будет наслаждаться лесными пейзажами, их тело получит все необходимые полезные вещества. Без этого под землей никак.

Я окидываю взглядом зал. Это просторное помещение круглой формы с куполообразным потолком вмещает в себя примерно 1400 капсул, расположенных в 16-ти секторах, сходящихся к центру, где располагаются лифты, позволяющие попасть в другие локации нашего 42-го Города, в соответствии с законодательством которого, каждый горожанин имеет право (и обязан) проводить здесь свой двухчасовой отдых ровно один раз в неделю.

На самом деле, теперь уже мало кто вообще знает о наличии номера у нашего Города. И, как следствие, о том, что были и другие. Я видел в архивах запротоколированные переговоры между правительствами городов, видел, как увеличивались перерывы между ними и, наконец, как они полностью прекратились. Это произошло уже более 170-ти лет назад.

Да и действительно, о чем говорить людям, находящимся за многие сотни километров и тонн земли друг от друга. Особенно раз уж так получилось, что именно наш Город оказался наиболее технически продвинутым и преуспевающим. Делиться с ними информацией? Выслушивать жалобы на тяжелую жизнь? Что в этом толку. Тот, до кого ты никогда не сможешь дотянуться, все равно, что не существует.

Возможно, когда ситуация стала более стабильной, правительство снова предприняло попытки установить связь, быть может, диалог даже был достигнут, однако, если это и так, простым горожанам никто ничего подобного не сообщал. Впрочем, я думаю, никакого общения с другими убежищами нет. Слишком уж многое было сделано для того, чтобы наши жители

утратили всякое желание интересоваться чем-то за пределами Города, как территориально, так и культурно-исторически. Хотя, о чем это я...

И дураку понятно, что достижения культуры стоит искать в едином развлекательно-творческом информационном потоке, находящимся под тщательной защитой и присмотром Отдела Мыслей и Грез (по-простому ОМГ) Городской Службы Безопасности, в котором я, собственно, и работаю. Ну а история – это и вовсе забытое слово, поскольку мы гордо движемся вперед, не оглядываясь на страшные ужасы и ошибки прошлого.

Общеизвестно, что, несмотря на любые запреты, несмотря на знание негативных последствий, человек все равно будет совершать неправильные поступки, будет снова и снова, вопреки стыду и отторжению, прикасаться ко всем отвратительным вещам, до которых только сможет дотянуться. Такие уж мы, люди, странные существа. В нас как будто заложена бомба замедленного действия, а тем, кто ее обезвредит, может быть лишь другой человек. Поэтому и было принято решение оградить простых горожан от демонов древности, от любой вредной и волнующей информации, подавить в них это ужасающее своими разрушительными последствиями чувство – любопытство.

Как говорится в одной книге из старого мира, чтение которой, разумеется, не рекомендуется (и недоступно) нашим горожанам: «Заботливый правитель, прежде всего, опустошает сердца людей, наполняя желудки. Укрепляет их здоровье и ослабляет волю. Оберегает простых жителей от знаний и страстей».

Погрузившись в эти мысли и едва не врезавшись в какого-то посетителя релакс-зала, я обнаруживаю, что уже подошел к лифтам. Дверцы одного из них раскрываются, и вместе со стайкой случайных попутчиков я устремляюсь внутрь.

Наблюдая, как лифт наполняется людьми, а затем начинает свое движение к основному уровню Города, я обдумываю дальнейший день. Персональный идентификатор услужливо сообщает, что сейчас 09:00, а значит, примерно через тридцать минут я окажусь в офисе развлекательно-творческого потока. Там мне нужно будет просмотреть завтрашний эфир и помочь с выбором новых участников для шоу «Время творить!»

Поначалу, только определившись на эту работу, я думал, что придется вносить множество правок, корректировать каждый выпуск, избавляя жителей от вредной информации и лишних тревог. Но оказалось, что создатели программ, люди искусства, а также прочие деятели развлекательно-творческого потока и так прекрасно знают предпочтения и пожелания их менее талантливых согорожан. Вот и выходит, что вся моя работа сводится к общению с сотрудниками, просмотру материалов, еще не вышедших в эфир, и, разумеется, бесконечному питью кофе, который, надо отдать должное офису развлекательно-творческого потока, является лучшим в Городе.

Мысли о кофе немного примеряют меня с действительностью, где я, видимо, исключительно при помощи внутреннего автопилота уже покинул холл релакс-зала и даже забрался в одну из припаркованных, спешно заряжаясь электроэнергией, машин. Назвав нужный адрес, я откидываюсь на спинку сиденья и утыкаюсь в окно. Бортовой компьютер, выдав парочку незамысловатых дифирамбов моему безгранично мудрому выбору средства перемещения, рассчитывает стоимость поездки и, списав полученную сумму, приступает к движению по маршруту.

Я расслабленно наблюдаю окружающие городские пейзажи, способные вогнать в депрессию любого своей однообразностью: полукруглый потолок; пешеходная область по бокам от проезжей; двери в жилые дома, офисы или торговые центры и, конечно же, бесчисленные светящиеся экраны, таблички и псевдоголограммные объекты, призывающие купить все то, что (с точки зрения рекламодателя) необходимо каждому хоть немного думающему о своем благополучии горожанину.

Впрочем, депрессия вряд ли грозит жителям нашего Города, прекрасно знающим, что дисплей персонального идентификатора – лучший способ развеять хандру, прогнать скуку и погрузиться в чудесный красочный мир потоков выбранной ими информации.

Видимо, уловив направленность моих мыслей, в мозгу появляется уже изрядно надоевший томный женский голос, предлагая заказать кофе к приезду. С чем я, разумеется, и соглашаюсь, ведь кофе – это единственная вещь, помогающая мне не сойти с ума во время просмотра того, что наши любимые горожане нежно именуют искусством.

Задумавшись об этом, я привычно представляю, как подаю заявку на увольнение, – вваливаюсь в кабинет к начальству и высказываю все, что хочу, о программах «Границы любви» и «Жизнь без прикрас», связь которых с развлечениями или творчеством до сих пор остается для меня неразрешимой загадкой.

Однако, как ни ужасно это признавать, но я уже не смогу без всех тех недоступных для обычных жителей архивных материалов, наследия, оставленного человечеством из прошлых времен. Этого яда, постепенно уничтожающего любого, кто к нему прикоснется. Несколько последних месяцев меня не покидает пугающая мысль, что я стал зависимым от книг, музыки и некоторых картин. Это сильно мешает в социализации, я чувствую, что все больше и больше отдаляюсь от других людей. Их жизнь начинает казаться мне нелепой, пустой, а иногда даже отвратительной.

И, возможно, если бы я не был достаточно умен, то решил бы, что проблема действительно в них. Но нужно смотреть правде в глаза: горожан все полностью устраивает, они работают, наслаждаются, общаются с другими такими же горожанами. Делают все то, что и положено делать нормальным людям. А что получил я от взаимодействия с так называемыми сокровищами человеческой мысли? Потерю ощущения принадлежности к обществу, а значит, и стремления достигнуть какого-то значимого положения, почти полное отсутствие интереса к общению, а также периодические, возникающие из-за всякой незначительной ерунды депрессии.

Подобные симптомы позволяют прийти к крайне простому, хоть и печальному выводу: я болен искусством старого мира. Но хуже всего, что это выглядит как ловушка, специально подстроенная службой отбора и профориентации, ведь я знаю множество вещей, недоступных обычному жителю Города, а значит, обязан и дальше занимать свою должность, что-то должно удерживать меня на этой позиции. Быть может, весьма неплохая зарплата или некоторые общественные льготы? Да, так я думал раньше. Но если это по какой-то причине перестает действовать, то можно не сомневаться: архивные материалы не дадут мне уйти.

Как-то я попробовал полностью отказаться от любой запрещенной информации и уже через неделю понял, что схожу с ума. В голове возникали строчки из прочитанных книг, песен. А особенно мне не давал покоя один странный стих, который, как оказалось, я выучил наизусть. И, несмотря на крайне отдаленное понимание его содержания, я все равно никак не мог от него отделаться. Вот и теперь, стоило лишь вспомнить, он сам собой разворачивается в моем сознании:

*Если закрыть глаза
И успокоить слух,
Внезапный, как в ночь гроза,
Тех бесконечных двух,
Что изначально есть,
Услышишь ты разговор.
Первый – сладок как месь,
Страшнее рычанья свор,
Второй – всегда секундант*

*И изворотлив как тень,
Сплетаясь, как Ёрмунганд,
Спорят и ночь и день.
Если услышишь их,
Праведник или вор,
Буен ты или тих,
Это твой приговор.
Вечно будут шептать,
И изводить как чума,
Но разрешат задать,
Вопрос, что сводил с ума.
Я слышу уже их шепот,
И дело тут не в запрете,
Вечные собеседники,
Скажите: чем болен ветер?*

Я и теперь не понимаю, о чем думал человек, написавший этот стих. Не понимаю, о каких собеседниках идет речь. Я так и не смог выяснить, что такое Ёрмунганд. И, главное, почему он спросил именно про болезнь ветра, ведь ветер – природное явление, понятие здоровья к которому неприменимо. Но отчего-то мне кажется, с этим поэтом происходило примерно то же самое, что сейчас происходит со мной...

Внезапно я обнаруживаю, что электромобиль стоит неподвижно, а безэмоциональный женский голос бортового компьютера просит меня покинуть транспорт. Приехали, значит. Я вздыхаю, вылезая из машины и направляюсь к офису. Справа, нежно покачивая щупальцами, болтается летающий псевдоголограммный осьминог, призванный рекламировать почему-то фитнес, а прямо передо мной, над дверями в здание развлекательно-творческого потока, красуется девиз этой прекрасной организации: «Культура там, где мы!» Ну что же, теперь, стало быть, и там, где я.

Зайдя в помещение, я подношу персональный идентификатор к восприимчивой панели пропускного пункта, на экране которой высвечиваются мои данные:

43Л083К
Пол: М
Возраст: 21
09:27

После чего загорается надпись: допуск получен, и я, наконец-то, попадаю в это святилище искусства.

Дорога на минус пятый этаж, где располагается мой кабинет, не занимает много времени, – и вот, сидя в своем кресле, я уже пью кофе, за вкус и аромат которого можно простить и прощать дальше многое. Даже то, что сейчас мне предстоит общение с создателем программы «Концептуальный УЛ».

Дождаясь этого восхитительно творческого человека, я пью кофе, отбиваю какой-то неопознанный ритм пальцами по столу, и мое настроение по абсолютно неясной для меня причине поднимается. А еще я вспоминаю, что сегодня после работы смогу зайти к Зэту. Вот уж действительно один из немногих по-настоящему интересных собеседников, даром, что бывший начальник Отдела Мыслей и Грез, под впечатлением от которого я и попал на эту работу. Можно будет обсудить что-нибудь, возможно, даже мою зависимость от запрещенных материалов, выпросить какой-нибудь оригинальный голосовой пакет для персонального идентифи-

катора и посмотреть на его коллекцию бабочек. Хотел бы я знать, откуда он взял подобную редкость.

Встречи с Этом всегда доставляют мне удовольствие, я вспоминаю, как был ребенком, и какой огромной и таинственной казалась тогда его полутемная квартира, наполненная невиданными сокровищами. Теперь она, конечно, не кажется мне такой уж большой и загадочной, зато вот сокровища из нее по-прежнему никуда не исчезли. Коллекции бабочек уже было бы более чем достаточно, но так может подумать лишь тот, кто не знает Зета. Одна из его комнат полностью заполнена холодным оружием (не понимаю, как он получил разрешение держать что-то подобное в квартире). А в еще одной, куда он пустил меня только после принятия на должность, хранятся запрещенные книги (сделанные из настоящей бумаги!), которые я не смог найти даже в архивах, отобранные им самим по неизвестному для меня принципу. Возможно, они являются наиболее вредными...

Прервав мои размышления, над дверью загорается пи-мер посетителя: 81У955Л. Стало быть ко мне все-таки пришел крайне концептуальный Ул.

– Я понял смысл жизни! – с порога заявляет этот во всех отношениях уникальный горожанин, после чего, выпрямившись и расправив плечи, подносит руку ко лбу, устремляя на меня свой затуманенный взор. Вероятно, в его представлении, именно эта поза максимально подходит человеку, достигшему просветления. Постояв так некоторое время и, видимо, отчаявшись дожидаться хоть какой-то внятной реакции, он обиженно пожимает плечами и садится на стул. Впрочем, даже сидя он продолжает морщить лоб, как бы сигнализируя о протекании мощного мыслительного процесса.

– И что же, ты даже не спросишь меня как? – после затянувшейся паузы возвышенно-отстраненным голосом вопрошает он.

– Ты лучше скажи, почему на тебе вся одежда фиолетовая? – предпринимаю я попытку вернуть разговор хоть в сколько-нибудь адекватное русло.

– В точку! – отчего-то воодушевляется Ул, – Иногда ты просто потрясаяешь меня умением ухватить самую суть вещей, потому я всегда и считал тебя один из умнейших людей нашего поколения! – он начинает размахивать руками, – Дело в том, что вчера на завтрак я ел салат из мяса и овощей.

– И что с того? – поддавшись на провокацию, я все-таки включаюсь в разговор.

– Как что? В этом мире все связано... – продолжает он, внезапно успокоившись и задумчиво уставившись в потолок, – В салате была фиолетовая капуста, и я понял, что мы, люди, совсем как она.

– Из нас тоже можно приготовить салат? – настороженно интересуюсь я.

– Нет. Хотя... ты гений! Я сделаю про это свою следующую программу, – воздев руки к потолку, он озаряет меня улыбкой. – Но, вообще, я имел в виду, что вся наша жизнь как капуста, состоит из слоев, но если их снять, то можно узреть истину, суть человека. Поэтому я пошел в магазин и купил себе фиолетовую одежду, а затем стал писать на большом псевдоголограммном экране свой пи-мер, разумеется, в том же цвете. Это мое новое произведение! И именно про него моя завтрашняя программа. Люди, посмотрев ее, начнут лучше понимать друг друга, а самые умные из них, возможно, смогут постичь суть бытия.

– Так, ну а в чем все-таки смысл жизни? – я судорожно пытаюсь справиться с потоками этой сомнительной информации.

– Ты не понял... Только не расстраивайся. Эту концепцию действительно почти невозможно осознать сразу же, едва лишь услышал, поэтому в программе я повторяю ее пятьдесят пять раз, – он участливо хлопает меня по плечу. – Давай я и для тебя повторю. Уверен, ты сможешь понять с седьмого, или нет, даже с пятого раза: вчера утром, на завтрак, я ел салат...

– Нет, нет! Я все понял! – устранившись от угрозы пытки, прерываю я Ула, – Уверен, эта программа вышла отличной. Желаю тебе дальнейших успехов в твоём творчестве, можешь идти.

– Спасибо, мой друг и преданный фанат, – привстав для рукопожатия, патетично произносит этот невозможный тип. – Ты всегда первым оцениваешь мои лучшие мысли и произведения искусства, восхищаешься их красотой и мудростью, вдохновляя меня творить дальше. Человечество перед тобой в долгу!

Окончательно потеряв всякую связь с реальностью после его последнего высказывания, я молчаливо наблюдаю, как Ул, покровительственно улынувшись, наконец-то полностью отрывает свое тело от кресла и, горделиво вскинув голову, удаляется из кабинета, оставляя меня наедине с записью программы про людей из капусты и многочисленные фиолетовые пи-меры.

Способность здраво мыслить возвращается далеко не сразу, она опасливо заглядывает в чертоги моего разума, какое-то время задерживается на его периферии и лишь с появлением новой чашки кофе решается окончательно зайти внутрь. И что бы я только делал без этого напитка богов?

С богами у нас, правда, теперь туго, а единственная официально существующая религия утверждает, что в центре Земли находится огромное спящее существо. И люди, соблюдающие необходимые правила, (например, питающиеся хотя бы раз в неделю пищей приготовленной на открытом огне), будучи сожженными после смерти, попадают в его легкие – место, полное веселья, где они, участвуя в непрекращающемся празднике, разогревают дыхание, которое, став огненным, в свою очередь согревает планету.

Ну а люди, не соблюдающие правила и, разумеется, не вносящие денежные пожертвования (так называемую огненную дань) жрецам, не добираются до легких, застывая по дороге в мертвых камнях, обреченные на вечную неподвижность и мучения. Пи-мер этого чудовища неизвестен, но когда родится человек, которому он будет присвоен, монстр проснется, и мир погибнет в огне.

Думаю, эту религию не уничтожили из-за ее очевидной нелепости, поскольку уж понять из чего сделано ядро нашей планеты, мы точно в состоянии. Хотя, возможно, причина в том, что некоторому проценту населения просто необходимо верить в нечто недоказуемое и алогичное. Люди вообще достаточно странные существа, в конце концов, многие из них даже смотрят программу Ула, полагая, что действительно приобщаются к чему-то мудрому и возвышенному. А это, между прочим, страшнее всяких огненных чудищ. Впрочем, нужно отдать ему должное, пафосный и умудренный вид он умеет делать мастерски.

Я встаю и потягиваюсь. Было бы неплохо обходиться и вовсе без общения с этими безгранично творческими людьми, оценивая лишь их программы, но рабочий устав обязывает меня видеть каждого из них минимум раз в неделю. Хорошо еще, что кроме меня есть и другие сотрудники ОМГ, так что по итогу к каждому из нас привязано не слишком-то много подопечных.

Вот и на сегодня мне осталось поговорить только с Сью, что намного приятнее, чем общаться с Улом, хотя бы потому, что она является именно тем, кем кажется, без каких-то надуманных поз и масок. Подобная искренность всегда казалась мне привлекательной. Да и что уж скрывать, Сью более чем сексуальна.

Моя подопечная не заставляет долго себя ждать. Над дверью загорается 90С609Ю, а вслед за этим маленьким световым шоу возникает и его виновница. Она заглядывает в дверь по пояс, выгибаясь так, что сквозь весьма вызывающий вырез ее футболки оказывается отлично видно все то, что с точки зрения устоявшихся норм морали должна беречь от чужих глаз благовоспитанная жительница нашего Города. Зрелище это завораживает своей красотой и, к сожалению, мимолетностью. После чего Сью, демонстрируя сногшибательную фигуру, появляется в проеме уже полностью и, покачивая бедрами, заходит в кабинет.

– Лок, я так рада тебя видеть... – произносит она бархатным шепотом, усаживаясь напротив и устремляя на меня свой невероятный гипнотический взгляд, полуприкрытый ресницами.

– Я тоже рад тебя видеть, Сью, – говорю я, усиленно стараясь удерживать внимание на уровне лица собеседницы.

– Я сделала новую программу, – сообщает она все еще шепотом, но немного растягивая гласные, словно во время пения. Затем небрежно откидывается назад и поправляет футболку, обрекая мои намерения не смотреть вниз на мгновенный провал.

– И что же в этой программе? – я предпринимаю героическую попытку собраться.

Обычно Сью делает ASMR. Вообще, под этим термином понимают создание определенного звукового и визуального ряда, который вызывает ощущение удовольствия, «мурашек», и расслабления. Больше всего это похоже на массаж при помощи звука. Однако в исполнении Сью он, как правило, превращается еще и в мягкий стриптиз с элементами ролевой игры, что ей удается, безусловно, великолепно.

– Я сделала объемный ASMR ролик, – она смущенно замолкает и прикусывает губу, – но я там немного не одета...

– Что значит «немного не одета»? – я уже отказался от безнадежных попыток контролировать направление взгляда, поэтому он безвольно опускается от ее ярко очерченных алой помадой, потрясающих своей рельефностью губ к еще более рельефно вздымающимся участкам футболки.

– Я только в нижнем белье, – проследив направление моего взгляда, Сью наклоняется вперед. – Но ведь искусство нельзя ограничивать... – она наклоняется еще сильнее, и моему взору вновь открывается картина неизмеримой притягательной силы.

– Рейтинг 16+, большего сделать не могу, – усилием воли подняв глаза и попытавшись придать своему лицу максимально суровое выражение, произношу я.

– Ну, раз так, я пошла, – она обиженно поджимает губы, встает и легкой походкой удаляется из кабинета. Со спины, кстати, как и следовало ожидать, это зрелище выглядит ничуть не менее великолепно, чем спереди.

Я делаю глубокий вдох, затем глубокий выдох. И дышу так еще некоторое время, пока окончательно не прихожу в себя. И ведь такое случается каждый раз, когда она появляется. Казалось бы, можно привыкнуть, но, во-первых, у Сью действительно талант к созданию «нужной» атмосферы, а, во-вторых, она всегда выглядит по-новому. Не припоминаю, чтобы дважды видел ее в одной и той же одежде, а ее умению мастерски накладывать макияж позавидовала бы любая другая девушка.

И даже несмотря на то, что она откровенно пытается манипулировать мной для получения более выгодных условий, несмотря на то, по какой причине ее программа набирает столько просмотров, мне она нравится, как и прочие соответствующие производимому впечатлению люди.

Я задумчиво встаю и потягиваюсь, персональный идентификатор говорит, что сейчас только 10:30, а значит у меня еще полно времени, которое можно посвятить непосредственно моей работе, а именно просмотру завтрашних развлекательных программ. Я беру кофе, запускаю псевдоголограммный экран и с головой погружаюсь в искусство.

В 17:20, пообедав доставленной пищей суперэкоплюс (что за гений придумал это название?) и просмотрев весь необходимый материал, я выхожу из кабинета и отправляюсь на второй этаж, где с другими коллегами и руководством развлекательно-творческого потока нам предстоит утвердить новых участников шоу «Время творить!», куда, как известно, может попасть любой талантливый горожанин.

Поднявшись, я обнаруживаю, что пришел одним из последних. Главный редактор развлекательно-творческого потока о чем-то переговаривается со своими помощниками, а остальные сотрудники Отдела Мыслей и Грез, кто по парам, а кто поодиночке, задумчиво сидят в креслах.

Я занимаю одно из свободных мест с краю, редактор дает отмашку, и мы приступаем к просмотру и оценке присланных нам материалов.

На псевдоголограммном экране появляется девушка. Жеманно улыбаясь и проглатывая половину согласных, она принимается рассказывать, что познакомилась с каким-то парнем, который первое время был очень мил, но затем начал вести себя как полный урод. Однако благодаря проницательности и знанию психологии мужчин она смогла заранее увидеть опасность и выйти из столь сложной ситуации не обманутой. Разумеется, за этим тут же последовал вывод, что хороших парней больше нет, но она научит своих зрительниц, как правильно вести себя на свиданиях, оформлять социальные потоки, фотографироваться в привлекательных позах и отказывать всем этим неотесанным мужланам, вопреки всем усилиям постоянно вьющимся вокруг благовоспитанных и культурных девушек.

Я чувствую, что мой мозг словно заволакивает туманом, мысли начинают путаться, а в голове возникает ощущение гудящей пустоты, с изредка всплывающими на поверхность и абсолютно несвязанными между собой фразами – верный признак того, что программа будет иметь успех у соответствующей аудитории. Я ставлю пометку плюс и прекращаю слушать.

Следующие выступления проходят достаточно спокойно и не содержат в себе ничего необычного: несколько школьников рассказывают, как развивать персонажа в игре – плюс; удивительно стройная девушка делает обзоры ресторанов быстрого питания – плюс; маленький мальчик выстукивает какую-то мелодию ложкой по тарелкам, получается отвратительно – минус; женщина рисует цветы при помощи носа – плюс; парень в разноцветной одежде пытается смешно шутить – минус.

Я прошу персональный идентификатор вывести время, и обнаруживаю, что до конца отбора осталось совсем немного.

На экране появляется смазливый юноша с длинной челкой и начинает нести какую-то романтическую чепуху про силу любви. Я пытаюсь сосредоточиться.

– А сейчас я спою вам свою песню, она очень тонкая и нежная, – говорит он, запуская аккомпанирующую программу.

Ну что же, можно и послушать:

*Я хочу, чтоб меня хотели,
Я хотел и хочу хотеть!
Я хочу, чтоб сегодня мы спели,
Как любовь побеждает смерть...*

Действительно, начало этой песни удивительно тонкое. А рифмы и вовсе потрясают воображение.

*Я хочу быть с тобою рядом,
Я хочу быть с тобой и в тебе,
Я хочу с затуманенным взглядом,
Прикасаюсь губами к губе.*

Я представляю, как гидравлический пресс сминает его тело, музыкальное оборудование, а затем и весь этот обезумевший город.

*Я хочу распылять наслаждение,
Я хочу наслаждаться тобой.
Я был призван любить от рожденья,
Все, что ты совершаешь со мной.*

Но из всей этой груды обломков, из мешанины кровавых тел, вопреки всем моим усилиям, будто издеваясь, вытарчивает его длинная блестящая челка, и слова «песни» все продолжают врываться мне в мозг, насилуя его и выворачивая наизнанку.

*Я хочу изучать твоё тело,
Познавать твой стандарт красоты.
Я хочу, чтоб немного несмело
В поцелуе сошлись наши рты.*

Я яростно впечатываю палец в парящий на псевдоголограммном экране плюс и пытаюсь абстрагироваться от происходящего. Надо терпеть, осталось совсем немного.

*Я хочу навсегда стать любимым,
Я хочу навсегда полюбить,
Я хочу стать в любви исполином,
Рядом с той, с кем хочу рядом быть.*

Интересно, как скоро я потеряю рассудок? Эта мысль оказывается на удивление привлекательной, ведь сумасшедших наверняка не смущают плохие рифмы и отсутствие мозгов у исполнителя. Я уже всерьёз начинаю обдумывать действия, которые помогут ускорить данный процесс, как вдруг наступает тишина.

Этот подарок судьбы вызывает столь сильное наслаждение, что я далеко не сразу замечаю странное оживление среди других экспертов. Раньше они сидели тихо, лишь изредка переговариваясь, но теперь помещение заполняет гул удивленных голосов.

Подняв глаза, я вижу, что перед нами, на изрядно поблекшем псевдоголограммном экране, висит двумерное изображение. Абсолютно плоское. Столь удивительное и необычное зрелище действует на меня как ведро холодной воды, я прихожу в себя и пытаюсь понять, что же происходит.

На экране появляется юноша. Тоже плоский. Он поднимает глаза и произносит:

– Мой пи-мер: 86P203A, но я предпочитаю, чтобы меня называли Ра, так больше похоже на имя... – он замолкает, как будто пытаясь что-то вспомнить. – Я хочу рассказать вам историю, она не слишком длинная. Я слышал, раньше люди любили рассказывать истории.

Что? О каком «раньше» он говорит? Я встревоженно всматриваюсь в этого горожанина. На нем надет темно-зеленый синтетический свитер и потертые джинсы. Вроде ничего необычного, но что-то заставляет меня насторожиться.

– «Давным-давно, когда небо еще не было каменным, а у людей были свои имена, жил на свете один человек. Он не был слишком высоким или слишком низким. Он не был богатым или бедным. Вряд ли кто-то сказал бы, что он красив, но и уродливым его не считали. Самый что ни на есть обыкновенный человек, могли бы подумать вы, вот только... Вот только у него была Душа».

Меня прошибает холодный пот, откуда он знает это слово? Термин «душа» вышел из употребления уже более 150-ти лет назад. Сейчас говорят про интеллект, психику, социальные навыки. Только научный выверенный подход. Как же он мог узнать...

– «Этот человек занимался тем, что вырезал куклы. Он не был искусным мастером, поэтому большинство из них выходило не так аккуратно и красиво, как хотелось бы, но зато

в каждую из своих работ он вкладывал кусочек души. А вещь с душой, и это даже ребенку известно, можно отличить по неяркому свечению изнутри, вот только немногие способны его увидеть... Но некоторые, все же сумев заметить подобную редкость, с удовольствием приобретали товар. А кукольник, видя радость покупателей, пел. И в то время, когда он пел, его душа начинала расти. Так человек снова мог вкладывать ее части в свои куклы».

Заслушавшись, я понимаю, что, несмотря на абсурдность сказанного, несмотря на полное несоответствие нормам и критериям искусства, этот рассказ чем-то привлек меня и начал затягивать в другой непонятный мир с поющими людьми, отращающими себе души лишь затем, чтобы вложить их в кусок дерева.

– «В один из дней этот человек сидел в своей кукольной лавке, как вдруг увидел девушку невероятной красоты. Она прошла мимо мастерской, одарив его столь прекрасной улыбкой, что от одного только взгляда на нее ему захотелось петь, пусть в тот день никто и не купил его работ. Он пел и чувствовал, что его душа становится все больше. Больше, чем сердце, больше, чем легкие и, наконец, больше, чем все его тело. Тогда он привычно начал вырезать куклы, вкладывая в каждую из них частичку души. Но она все не уменьшалась. А человек все вырезал и вырезал одну куклу за другой. И, вырезая каждую из них, он все сильнее хотел увидеть ту девушку вновь. Он чувствовал, что его душа больше не принадлежит ему, что теперь она связана с той незнакомкой и только рядом с ней прекратит рваться наружу».

Я снова всматриваюсь в лицо рассказчика, пытаюсь понять, кто он. Как вдруг меня осеняет, его глаза, вот в чем дело! А, если быть точнее, его взгляд. Я уже видел человека, который так смотрит. И этот человек – я.

Однажды, после дня проведенного в закрытом архиве, взглянув в зеркало, я был поражен, – оттуда на меня смотрел кто-то другой, незнакомый. Что-то тогда напугало меня в этом взгляде, какая-то непредсказуемость или даже безумие. Впрочем, на следующий день все уже было в порядке. Ну а теперь точно также на меня смотрел Ра.

– «Человек узнал у жителей города, где живет эта девушка и послал ей свои новые куклы, но в ответ получил лишь молчание. Они недостаточно красивы для нее, понял он. Тогда человек сжег все работы, что у него оставались, и ушел в горы, где день и ночь тренировался в своем мастерстве. Он вырезал куклы и в каждую из них вкладывал частичку души, – но им по-прежнему не хватало утонченности. По ночам, в перерывах между работой, человек смотрел на звезды, думая о той восхитительной девушке, и его грудь заполняло странное щемящее чувство, дарящее наслаждение и, в то же время, боль. Он чувствовал, что больше не может жить без нее, и потому продолжал вырезать куклы. Но они все еще были недостаточно хороши. Человек перестал радоваться и петь, он только вырезал и вырезал. И вот, на исходе месяца, одна из кукол получилась по-настоящему совершенной, он вложил в нее кусочек души, улыбнулся и ничего не почувствовал. Только пустоту. И тогда человек понял, что истратил всю свою душу».

Истратил душу? Не слишком ли это материалистично? Или подобное наоборот должно быть в порядке вещей, если, конечно, принимать за истину то, что души вообще существуют или хотя бы существовали когда-нибудь прежде? Впрочем, я что-то увлекся...

Я оглядываю других членов жюри, – большинство, выставив закономерные «минусы», погрузились в экраны персональных идентификаторов, и лишь главный редактор и несколько наиболее опытных сотрудников ОМГ, сдвинувшись вместе, что-то обсуждали, настороженно глядя на экран и периодически бросая в мою сторону беглые взгляды. Интересно, с чего бы это?

– «Но, несмотря на такую потерю, человек был доволен. Кукла получилась красивой, самой лучшей из всех, что он когда-либо делал. Теперь та незнакомка уже не сможет ему отказать. Вернувшись в город, он сразу отправился к дому прекрасной девушки, чтобы лично вручить ей подарок, однако, никого не застал. Тогда человек стал спрашивать у соседей, куда же делась его владелица, – и все отвечали ему, что она умерла. Но кукольник должен был убедиться сам. Вломившись к ней в дом, он заметил конверт с неотправленным письмом: „Ваши куклы невероятны, они дарят мне радость, хоть я и смертельно больна, а еще они светятся изнутри, так бывает, только если мастер делает вещь с душой“. На этом текст обрывался. Человек понял, что его цель не может быть достигнута, он вернулся к себе в мастерскую и продолжил вырезать куклы. Теперь его работы стали намного красивее, поэтому люди со всех краев стекались к нему в лавку и приобретали товар. Но ни одно из его новых творений не умело светиться, ведь в них уже не было частичек души. Прошло несколько лет. Слава человека все возрастала, даже король той страны заказал у него несколько кукол, инкрустированных драгоценными камнями, для своей дочери...»

И что теперь? Я задумчиво откидываюсь на спинку кресла. В таких историях всегда есть мораль, – мы видим, что герой стал успешен, потеряв нечто важное. Но правда ли это «нечто» столь ценно? В конце концов, свечение кукол было заметно лишь некоторым людям, тогда как их реальной красотой мог наслаждаться каждый.

Да и ситуация с девушкой, если начистоту, совершенно нелепая, кукольник с ней даже не разговаривал, не говоря уж о чем-то большем. Так чего удивляться тому, что он не слишком расстроился? Хотя, с точки зрения рассказчика, причиной подобной безэмоциональности является потеря души. Но, как по мне, было бы намного разумнее воспринимать это просто как адекватную и вполне логичную реакцию на некоторое не слишком значительное, пусть и печальное событие. Но не будем торопиться.

– «Разбогатея, человек захотел перестроить здание мастерской. Спустившись в подвал, он случайно обнаружил там одну из своих старых кукол, по невнимательности не сожженную им ранее. Она была некрасивой. Человек смотрел на нее и думал, что с тех пор стал намного искуснее, как вдруг заметил странное свечение, – кусок дерева в его руках сиял изнутри. И вместе со светом к нему возвращались все эмоции, вся радость и мучение созидания. Наваливалась боль от потери какого-то человека. Но стоило ему отвернуться, как все это исчезло, а оставалась лишь пустота. Всепроницающее отсутствие хотя бы малейшего смысла. Отсутствие надежды и веры в нечто хоть немного большее, чем непонятные, изредка всплывающие в голове цифры и названия сортов древесины. И тогда человеку стало страшно, ему стало страшно от того, кем он стал, от того, во что превратилась его жизнь. Поэтому, несмотря на боль, он продолжал смотреть на куклу, пытаясь вспомнить, кого потерял. И, постепенно, сквозь ее неумело вырезанные черты начало проступать чье-то лицо. Лицо невероятно красивой девушки. И тогда человек заплакал сильнее, чем когда-либо до этого в своей жизни».

Интересный поворот, а главное, на что вообще рассчитывает Ра? Его послушать, так это хорошо, что человек мучается! А если бы он так и не нашел свою старую куклу, не вспомнил бы про какую-то радость созидания и веру во что-то там, а заодно и про кучу всякой разной боли, то это, выходит, плохо? А что он хороший мастер, что его куклы покупает сам король (откуда, кстати, Ра узнал про эту форму правления?) – это все, выходит, неважно? Замечательно!

– *«Кукольник, пошатываясь, держа старую деревяшку в руке, поднялся в мастерскую и приступил к работе. Он работал три дня и три ночи, лишь иногда прерываясь посмотреть на звезды. И глядя на звезды, вспоминал, что раньше любил петь. Правда, теперь он никак не мог понять, зачем это делается... Под конец третьей ночи новая кукла была готова, она оказалась ростом с настоящего человека и выглядела в точности как та погибшая девушка. Творец оглядел свою работу и остался доволен. Вот только чего-то не хватало, чего-то самого важного – того, что прежде он давал каждой из кукол. Он попробовал это исправить, но ничего не получалось. Он пробовал снова и снова, но безуспешно – лишь боль в груди становилась сильнее. Тогда мастер взял нож, вырезал свое сердце и вложил в куклу. Это было последнее, что он мог дать».*

Я ошарашенно гляжу на экран. Этот псих правда думает, что может прислать нам историю про самоубийство, и мы ее пропустим? Что вообще творится в его голове?! Но, в целом, это лишь подтверждает мои предыдущие рассуждения. Уж не знаю, есть ли у наших горожан души, но то, что мы оберегаем их от подобных «светящихся кукол» – явно правильно, только волны самоубийств нам не хватало. Нет уж нет, пусть живут себе спокойно, сытые и довольные, а все эти непонятные страдания, высокие материи и чувства ведут исключительно к истерикам, депрессиям и суицидам. Проходили, знаем. Я аккуратно выбираю минус. Как по мне, досматривать окончание этого ролика совершенно необязательно.

– *«Люди говорят, что порой возле той статуи слышатся тихое пение. Некоторые упоминают мужской голос, другие женский. Возможно, все это лишь слухи. Но раз уж я рассказывал вам историю про душу, думаю, стоит напомнить и о факте ее бессмертия. А значит, спорным является лишь допущение, что она может петь...*

Есть ли в этой истории какой-то смысл, мораль? Я не знаю... я не думаю, что это важно. Пусть каждый решает самостоятельно. Но меня волнует нечто иное, – получается, любой человек, как бы успешен он ни был, хочет обладать душой. Даже если ее и нет вовсе. И пойдет ради этого на все, даже на чудовищную боль, лишь предоставьте ему такую возможность».

Ра замолкает, псевдоголограммный экран гаснет, и я понимаю, – отбор участников шоу подошел к концу. На меня наваливается чудовищная усталость, а в опустевшей, но при этом на удивление тяжелой голове перекатываются несвязанные мысли, оседая где-то в области затылка гудящей болью.

Наверное, должны быть приняты какие-то меры, необходимо выяснить как простой горожанин (или не простой?) мог получить доступ к закрытой информации. Возможно, ему требуется оказать психологическую помощь. В любом случае, какое счастье, что все это не моя проблема, поскольку думать о чем-либо кроме своего дома или кресла в гостиной Зэта я уже просто-напросто не способен.

Я встаю и, вяло кивнув на прощание в сторону экспертов, направляюсь к двери. Но в тот момент, когда кажется, что свобода уже почти что достигнута, меня останавливает главный редактор, окруженный все той же группой моих наиболее опытных коллег.

– Лок, ты ведь сейчас собираешься к Зэту? – сходу огорошивает он меня.

– Да, а что? – я прислоняюсь к дверному косяку, мое тело уже просто не соглашается поддерживать себя в вертикальном положении.

– Ну, возможно, ты слышал, хоть Зэт больше официально и не работает в ОМГ, в некоторых ситуациях он все еще оказывает нам определенную помощь. Вот мы и подумали, раз ты и без того идешь к нему в гости, будь так добр, передай запись, – редактор на мгновение заминается, – «сказки», это как раз по его части.

– Ладно, сделаю, – соглашаюсь я и вижу, как он мгновенно расслабляется. Судя по всему, случившееся смутило моего собеседника даже больше чем меня. Либо же он просто очень не хотел быть ответственным за эту проблему и теперь успокоился, найдя способ перепоручить ее.

Попрощавшись, я наконец-то открываю дверь и начинаю движение в сторону выхода. Все-таки новость о том, что Зэт по-прежнему работает в ОМГ, пусть и неофициально, здорово меня удивила. А если точнее – то, что я об этом не знал. Конечно, если подумать, в самом факте продолжения им деятельности нет ничего странного, Зэт более чем компетентен (не зря же он раньше занимал должность начальника ОМГ) и, главное, человек, связавший свою судьбу с подобными структурами, уже никогда не сможет стать полностью от них свободным. Но, с другой стороны, зачем тогда делать вид, что уволился?

Размышляя над этим вопросом, я помещаю себя в электромобиль и называю адрес Зэта. Удобное сиденье и общая усталость делают свое дело, и я впадаю в полудрему. Мне представляется, что мы с машиной составляем единое целое: металлический корпус, провода, ток, бегущий по ним – все это тело, оболочка. Ну а я... я – это душа. Без меня машина всего лишь инструмент, выполняющий заложенную программу, но я даю ей нечто большее – цель, смысл.

Картина меняется, у машины появляются механические руки, различные лезвия и зажимы. Все это со скрежетом и визгом приходит в движение, отрезает и отщипывает от меня куски, просовывает их в другие машины. Панорама отдалается, и я вижу огромный город, исторгающий из себя дым и пепел, отращающий все новые и новые конечности, передающий ими по кругу искореженные и расплюснутые куски человеческих тел, гонящий по бесчисленным прозрачным трубам и трубочкам странную зловонную жидкость, лишь отдаленно напоминающую кровь, и, наконец, с ревом и воем отхаркивающий ненужные остатки, постепенно погребая себя под грудой обломков.

– Мы прибыли в пункт назначения, благодарим вас за поездку, – возвращает меня к реальности женский голос.

Привидится же такое... Я судорожно протираю глаза. Видимо история Ра повлияла на меня сильнее, чем хотелось бы. Покинув машину, я направляюсь к двери в дом и прикладываю к ней свой персональный идентификатор. Владелец указанной мной квартиры одобряет заявку на посещение, и я захожу внутрь.

Строение, в котором располагается жилище моего бывшего босса, имеет далеко не самую стандартную планировку для Города. Все жилые пространства здесь в три-четыре раза больше, чем обычно, а высота потолков потрясает всякое воображение. Насколько мне известно, эти помещения строились одними из первых и предназначались для элиты старого мира.

Я поднимаюсь на нужный мне шестой этаж, где, как обычно, царит полумрак и тишина, не нарушаемая ни малейшим движением или звуком. За все время моих посещений Зэта я даже ни разу не видел его соседей. И, зная этого человека, легко можно предположить, что в их квартире попросту никто не живет. А может быть, там и вовсе хранятся какие-нибудь секретные материалы.

Я подхожу к двери с выгравированной на ней цифрой одиннадцать, которая, уже привычно для меня, бесшумно открывается, словно приглашая зайти. Но, в то же время, за всей этой тишиной и спокойствием скрывается странное ощущение угрозы, как будто пути назад, стоит лишь переступить порог, уже не будет. Любой человек, хоть немного общавшийся с Этом знает – это ощущение более чем характерно для него и выступает чем-то наподобие визитной карточки, где бы тот ни появлялся. Большую часть людей оно отпугивает, но меня, напротив, по какой-то иррациональной причине притягивает, заставляя снова и снова пытаться понять, что же за события могли оставить столь причудливый след на моем опекуне, бывшем начальнике, а теперь, как мне хочется думать, друге.

Переступая порог и позволяя двери беззвучно захлопнуться за моей спиной, будто пасти огромного зверя, я вспоминаю, как еще в семилетнем возрасте оказался здесь впервые. В тот день глава группы учебного развития, весьма строгая женщина, подошла ко мне и сказала: «Сегодня я познакомлю тебя с человеком, который будет проводить часть из твоих занятий». Тогда я не придавал этому особого значения, в конце концов, всем нам так или иначе предлагали изучить что-то отдельное в зависимости от проявляемых склонностей и талантов. Но оказавшись на этом сумрачном этаже, увидев как бесшумно и плавно раскрывается передо мной дверь, а за ней в еще большей темноте простирается уходящий вглубь квартиры длинный коридор, я почувствовал, что это событие бесповоротно изменит всю мою жизнь. В общем-то, так и вышло.

Вот и теперь, зайдя в гостиную, я наблюдаю ту же картину: большая грузная мебель, хаотично расставленная по комнате; разбросанные повсюду ковры; огромное зеркало на пол стены, в котором из-за почти полностью отсутствующего освещения можно увидеть разве что смутные движения неясной природы на фоне лениво клубящейся тьмы. И, разумеется, невысокого человека, сидящего спиной к входящему.

– Ну же, мальчик, чего застыл? Проходи, – как и в первый день нашего знакомства окликает меня Зэт. – Твое любимое кресло стоит все там же. Если, конечно, ты еще не разучился сидеть после просмотра материалов для этой смешной программы... запомнил ее название, где все испытывающие подобное желание горожане могут поражать зрителей своими умопомрачительными талантами.

– Она называется: «Время творить!», – говорю я, пробравшись к дальней стене гостиной и наконец-то примостившись в кресле лицом к собеседнику, который, внимательно глядя на меня из-под полуприкрытых век, как всегда производит впечатление расслабленного покоя и, в тоже время, готовности нанести молниеносный удар. Такое противоречивое сочетание вместе с любовью моего бывшего начальника к темным тонам одежды, представляющей из себя бесконечные вариации на тему черного, серого и, в редких случаях, фиолетового цветов, а также его седыми, но потрясающе густыми, ниспадающими на плечи волосами вызывает у меня в голове образ паука, застывшего в ожидании добычи.

– А запись отборов ее участников вам уже не нужна? – я делаю вид, что меня совершенно не удивляет его осведомленность.

– Ну отчего же, нужна, а то как, если не из нее, бедный старый сотрудник службы безопасности в отставке узнает о происходящем, – подмигивает мне Зэт. – Да и в подробности, если уж начистоту, я еще не вдавался, – он достает откуда-то из-за своего кресла две чашки с кофе и протягивает одну из них мне (я слышал, для подобных трюков он использует какую-то так и не вышедшую в открытую продажу серию роботов-помощников, умеющих оставаться незаметными и способных быстро перемещать по квартире необходимые предметы). – А чего это ты так кисло выглядишь? – Зэт наклоняется ко мне, скорчив унылую гримасу, – Интересно, что сильнее на тебя повлияло, музыкальные предпочтения наших горожан или некоторые не в меру информированные сказочники?

– Да все вместе, – я вяло пожимаю плечами. На самом деле мое настроение уже успешно выровнялось, общество бывшего босса и само по себе тому способствует, а уж после столь мастерской подачи напитков (квартира Зэта, кстати, второе место по качеству кофе в Городе) и вовсе не мудрено растаять.

– Я думал, вы больше не работаете с Отделом Мыслей и Грез, но, судя по всему, именно вы теперь разбираетесь с подобными инцидентами? – решаю я все-таки выразить свое недоумение по поводу сокрытия от меня этой информации.

– Ой, мальчик, ну прости старого учителя, что не раскрыл сразу все секреты, – Зэт молниеносно подается вперед, как будто становясь больше в размерах, – а то люди должны сами тебе все рассказывать, а, господин сотрудник ОМГ? Или я не учил тебя, как собирать инфор-

мацию из разных источников и не говорил, что никому нельзя доверять полностью? – он откидывается назад в кресло, и его голос начинает звучать более миролюбиво, – Ну, разумеется, кроме бывшего начальника, он то никогда не обманет. Так, разве что, запомнит какой-нибудь незначительный факт...

– Ну да, а то ведь проще простого выяснить, чем вы занимаетесь. Пол Города, как обычно, только об этом и шушукается... – я уже привык к подобным эмоциональным вспышкам со стороны Зэта, он всегда так делал, когда я не мог справиться с какой-нибудь задачей или вел себя, с его точки зрения, слишком по-детски. – И что теперь будет с этим 86Р203А? – я максимально отстраненно произношу пи-мер сказочника, одновременно пересылая запись его ролика собеседнику, – Я слышал, что таким, как он, оказывается психологическая помощь, да и откуда он получил запрещенную информацию непонятно...

– Вот с этим я и разберусь, – говорит отчего-то повеселевший Зэт. – Впрочем, я уверен, ничего страшного не случилось, наверняка излишне впечатлительный парень, просто по ошибке, получил доступ к специальным пограничным материалам, которые мы иногда выдаем узким специалистам, ну и переволновался от увиденного. Разумеется, я исследую все это получше, но тебе-то уж точно здесь переживать больше не о чем.

– Есть еще кое-что, – я все же решаюсь поделиться своей проблемой, – мне кажется, я становлюсь зависимым от запрещенных материалов. Иногда я просто не могу справиться с желанием пойти в архив и почитать книги или послушать музыку из старого мира.

– Тоже мне проблема, – мой опекун пристально смотрит на меня. – Наша работа является одной из самых сложных, требующих максимальной точности и чутья у специалиста. А как ты отличишь разрешенное от запрещенного, допустимое от недопустимого, если не изучишь в равной степени и то и другое? Да, наша работа опасна, мы все время ходим по краю, мы единственная стена между горожанами и всей той информацией, прорвись которая, и нам не миновать катастрофы. Волна вредных идей повлечет за собой опасные настроения, а это, в свою очередь, – депрессии, суициды, недовольство простой сытой жизнью, волнения. В нашем Городе чуть больше миллиона жителей, и все они и дальше должны оставаться спокойными и счастливыми. Так что, пока ты понимаешь, какой цели служишь – все в порядке. И даже напротив, мои данные говорят, что ты один из самых успешных молодых сотрудников ОМГ, а изучение архивных материалов лишь подчеркивает ответственность твоего подхода к работе, – он встает из кресла и хлопывает меня по плечу. – Ехал бы ты домой, мальчик, а то уже спишь сидя.

– Самое последнее, – я чувствую, что, и правда, засыпаю, – у вас нет какого-нибудь нового голосового пакета для персонального идентификатора? А то старый надоо-о-е-ел, – чудовищный зевот чуть не сворачивает мне челюсть.

– Да уж, удивил, – Зэт насмешливо хмыкает. – Я отправил тебе три новых голосовых пакета еще в начале разговора, – он вытаскивает меня из кресла и подталкивает в сторону двери. – Все отправляйся домой, Лок, а мне сегодня еще работать и работать...

В полудреме я спускаюсь на первый этаж, выхожу на улицу и сажусь в машину.

– 19, 84, – называю я адрес своего дома. «Раньше у улиц были названия, а теперь только номера. Раньше у людей были имена, а теперь только пи-меры». Я понимаю, что мои мысли текут в каком-то неправильном направлении, тут нужно было подумать, что номерные обозначения намного удобнее обладающих совершенно избыточными значениями слов, ведь с цифрами все сразу ясно, девятнадцатая улица и восемьдесят четвертый дом на ней. Придя к этому светлomu выводу, я мгновенно проваливаюсь в сон, проснувшись лишь на несколько минут, чтобы оттранспортировать свое тело из машины на четвертый этаж, где добравшись до лучшего места в Городе – своей кровати, я наконец-то окончательно перемещаюсь в сладостный мир сновидений.

Неделя вторая. Суббота

Я просыпаюсь с радостным осознанием того, что сегодня суббота – мой единственный законный выходной. Не открывая глаз, закутавшись в одеяло, я размышляю над самым сложным и актуальным вопросом, какой только может возникнуть у жителя Города с утра: «Как выглядит моя комната?».

Или вернее, как же она будет выглядеть, когда я на нее взгляну. Ведь сейчас там нет ничего, кроме серых бетонных стен и однотонной, максимально примитивной мебели.

Я начинаю перебирать варианты: беседка в джунглях – нет, хижина в горах – не то, дом у озера – надоело, огромное поле, покрытое цветами – мимо. Поняв, что это безнадежно, я, по привычке, перекладываю мучительный выбор на плечи судьбы, приказав персональному идентификатору установить случайное оформление, и открываю глаза.

Мягкое, играющее бликами по полу, желтое освещение; темная плетеная мебель; полупрозрачный тюль, прикрывающий окна; уходящие вдаль песчаные дюны и, появляющийся время от времени, шаловливый ветер, подхватывающий рыжеватый песок и постепенно меняющий изгибы и формы этого умиротворяющего своим спокойствием пейзажа.

Мне досталась имитация пустыни. Самое редкое и дорогое оформление в моей коллекции. Раньше, как и многие другие, я собирал их, стараясь не пропустить ни один из ландшафтов. Часть из них продается за деньги, другие можно было получить только в определенный период, некоторые и вовсе раздавались бесплатно в честь праздников. Пустыню я получил от Зэта на двадцатилетие. И, насколько мне известно, она была выпущена тиражом всего в тысячу экземпляров.

Впрочем, в какой-то момент, я перестал следить за новыми оформлениями. Что толку во всем этом многообразии, если на ощупь вода неотличима от камней или стволов деревьев, а цветы ничем не пахнут. Единственная стоящая иллюзия – это лес в релакс-зале, где, в соответствии с расписанием отдыха, я и окажусь сегодня вечером. Он достаточно натурален, чтобы на время забыть о поджидающей за углом реальности.

Вытащив себя из кровати, совершив все необходимые утренние процедуры и съев йогурт на завтрак, я отправляюсь в архив. Раз уж Зэт не видит в подобном времяпрепровождении ничего плохого, то и мне переживать не стоит.

Спустившись по лестнице, я становлюсь свидетелем любопытной картины. Девушка лет восемнадцати прикладывает свой персональный идентификатор к двери на улицу. На расположенном рядом экране, как и положено, загорается зеленая надпись: «Доступ получен», однако дверь, оставаясь неподвижной, и не думает открываться. Горожанка, с удивлением и, кажется, даже осуждением взирая на неисчезающую преграду, еще раз производит эту манипуляцию, но ничего не меняется.

Я продолжаю наблюдать за развитием событий. Цикл повторяется без каких-либо значимых отклонений. Персональный идентификатор вновь и вновь прикладывается к панели, система подтверждает право его владельца выйти на улицу, но дверь так и остается закрытой. Единственное новшество в эту миниатюру вносит выражение лица девушки, с каждой попыткой становящееся все более беспомощным, недоумевающим и обиженным.

Поняв, что происходящее может длиться еще долго, я подхожу и легонько толкаю дверь, которая, как и следовало ожидать, без труда распахивается наружу. Я поворачиваюсь к спасенной мной горожанке и вижу, насколько ее шокировала подобная развязка.

– Механизм, открывающий дверь, сломался. Нужно было просто толкнуть, – решаю пояснить я это, видимо, нетривиальное решение проблемы.

Девушка, как будто очнувшись, судорожно кивает и торопливо исчезает на улице. Я пожимаю плечами, отправляю запрос на починку в единую социальную службу, после чего продолжаю свой запланированный маршрут.

И ведь, что странно, она не намного младше меня, но ей даже не пришло в голову попытаться самостоятельно открыть дверь... Впрочем, тут дело не в возрасте, нельзя забывать, что сотрудников службы безопасности с детства учат совершенно иначе, чем остальных горожан, и наша автономность (как физическая, так и психологическая) от технических приспособлений намного выше, чем у них.

Самое первое, что еще ребенком прочно усваивает каждый житель Города, это манипуляции с персональным идентификатором. Что бы ты ни хотел сделать, куда бы ни хотел попасть, без идентификатора ничего не выйдет. Он – твой лучший друг, совершенный помощник, универсальный пропуск, кошелек и удостоверение личности. Перемычка между сознанием владельца и слишком сложными для понимания обычного человека технологиями, окружающими тебя со всех сторон, берущими на себя заботу о твоих потребностях и удобствах. Голос, который даст мудрый совет и поддержит в трудную минуту. Самый лучший и точный источник информации.

Строго говоря, без персонального идентификатора, тебя не существует вовсе. Именно он определяет твои возможности, выступает решением любой проблемы, какую ты только имеешь право самостоятельно решить.

В этом свете, не остается ничего удивительного в том, что встреченная мной девушка так растерялась, когда проверенный годами и единственно необходимый способ взаимодействия с миром оказался бессилем и, что еще хуже, начал противоречить сам себе, утверждая, что задача, которую он был призван решить – выполнена. И если вспомнить, что технологически наш Город столь совершенен, что поломки почти никогда не случаются, а все же возникнув, быстро устраняются, будучи засеченными специальным программным обеспечением, то можно с высокой степенью уверенности предположить, что это был и вовсе первый случай, когда она столкнулась с какой-либо неисправностью.

А даже если и нет, сознание человека, встретившись с чем-то ненормальным, не укладывающимся в привычную картину мира, зачастую предпочитает просто проигнорировать это, лишь бы не разрушать свои устоявшиеся представления об окружающей действительности. Так что, на самом деле, вообще не понятно, почему я счел произошедшее чем-то забавным или необычным.

Придя к этому неожиданному выводу, я обнаруживаю себя возле входа в метро, куда и начинаю спускаться, решив ради разнообразия приобщиться к общественному транспорту, линии которого проходят ниже основного уровня Города и соединяют между собой 112 станций. Оказавшись на платформе, где кроме меня в ожидании поезда стайками стоят, уткнувшись в экраны своих персональных идентификаторов, горожане, я окидываю вестибюль взглядом: это максимально невыразительное помещение с белым потолком и серыми стенами визуально ничем не отличается от любой другой станции, если, конечно, не принимать во внимание цифры, выгравированные на стене: 7—9, означающие номер линии и, соответственно, остановки на ней.

Дождавшись поезда и усевшись недалеко от окна-экрана, транслирующего различные природные пейзажи, я откидываюсь на спинку сиденья и готовлюсь максимально комфортно провести время в пути.

Забавно, что все окна в вагоне показывают совершенно разные картины, из-за чего складывается ощущение, будто находящиеся возле них горожане существуют в отдельных реальностях и движутся по какому-то собственному, отличному от других, маршруту. Эта странная мысль почему-то поднимает мне настроение, и я, приняв более вертикальное положение, начинаю рассматривать пассажиров. Они едут, в большинстве своем погрузившись в экраны

персональных идентификаторов, и судя по всему, совершенно не интересуются чем-то за пределами выбранных ими потоков информации.

Внезапно мое внимание привлекают парень и девушка лет двадцати пяти, сидящие в соседнем ряду. Они столь оживленно беседуют, что мне отлично слышно каждое их слово:

– Как же я хочу новое многомерное оформление от Оплота для идентификатора! – возбужденно жестикулируя, тараторит девушка, – Они ввели новые визуальные переходы, повысили интенсивность цветовой передачи! Ощущение погружения увеличено на тридцать один процент! И я не говорю об инновационном динамичном дизайне рамок для интерфейса. Старые просто бесят! Они все время одни и те же и совершенно не сочетаются с происходящим в инфотоке! Как вообще, глядя на это, можно получать удовольствие?! – она прерывается, чтобы перевести дух.

– Послушай, но ты ведь только купила последнее оформление Самсона, – вяло возражает парень. – И вообще, продукция Оплота стоит бешеных денег.

Я отворачиваюсь обратно к окну. В их разговоре нет ничего интересного. Все прекрасно знают, что «Оплот» намного лучше, чем «Самсон», и захватил бы рынок дополнительной продукции для персональных идентификаторов полностью, если бы не чудовищно высокие цены. Споры о том насколько они оправданны, успели изрядно надоесть уже больше месяца назад, когда только вышло новое «откровение» от Оплота.

– Даже не говори мне об этом мусоре! – снова заводит пластинку почитательница модной продукции, – Оформления Самсона – прошлый век, им нужно уволить всех своих дизайнеров! Мне стыдно показываться с подобным на людях!

– Еще вчера утром все было в порядке, – продолжает меланхолично сопротивляться ее спутник. – Что с тобой вдруг случилось?

– Ничего не вдруг! Я всегда считала, что нужно держать планку. Пользоваться второсортными вещами ниже моего достоинства, – ее голос брезгливо вздрагивает. – А эта шлюха из отдела кадров, видимо, не успокоится, пока не переспит с каждым из парней: «У меня есть новое оформление от Оплота, не хочешь взглянуть? А давай вместе сходим на псевдоголограммную выставку дизайнов стен?» И эти придурки сразу клюют! Бесит! – голос девушки окончательно срывается, и она замолкает.

Я закрываю глаза. Иллюзия автономных миров со счастливыми, движущимися только по им известному маршруту путешественниками рассеялась, так и не сумев стать хоть немного реальной. И дураку понятно, что в действительности существует только одно направление: «Покупай больше! Имей больше! Выгляди лучше! Ты же не неудачник? Тогда купи это. И вот это. Что значит, не можешь купить? Да кому ты тогда нужен?! Этот мир не для таких отбросов. Он для счастливых успешных людей. Счастливых, потому что успешных. Тем более счастливых, чем более успешных. Купи! Владей!»

– А он мне говорит: «Точно победит Го, очевидно, что его поддерживает большая часть населения и предлагаемый им вектор развития Города лучше». А я ему: «Не спорю, в этот раз Род действительно перемудрила со своими проектами увеличения промышленных территорий, производство – это хорошо, но надо же проявить внимание и к людям. Я бы предложил ей добавить несколько пунктов в программу, ну, к примеру, увеличить пособия, снизить плату за услуги социальной службы. В конце концов, ради повышения популярности можно подарить всем какой-нибудь новый голосовой пакет для идентификаторов».

Видимо, за время моих размышлений тот парень все же сумел завладеть инициативой в разговоре. Впрочем, так стало только хуже. Лучше бы они и дальше обсуждали красоту дизайнерских решений относительно каких-нибудь полосочек. Нет ничего бесполезнее разговоров о политике.

Когда старый мир пал, уже не вызывало сомнений, что демократия, как система, себя полностью не оправдала. Да и в столь сложной ситуации даже попытка принимать демокра-

тичные решения привела бы к неминуемой гибели. Нет, управлять должны хорошо подготовленные и соответственно воспитываемые с детства профессионалы. Поэтому в самом начале существования Города из верхушек службы безопасности, представляющей реальную силу, и бюрократов, составивших все законодательство, была сформирована элита, имеющая единую четкую и проработанную стратегию.

Первое время, пока жизнь была крайне тяжелой, а военное положение сохранялось, людей совершенно не интересовала политика. Им было достаточно того, что у них есть правительство, знающее, что делать. Но как только ситуация выровнялась, анализ настроений горожан показал: они хотят иметь возможность влиять на выбираемый курс. Тогда элита была разделена на две партии (одна на основе службы безопасности, другая на основе законодательств), которые представили конкурирующие программы жителям, предложив путем голосования определять, лидер какой из них более достоин носить гордое звание мэра Города.

Так политическое устройство вновь вернулось к демократическому, точнее, к видимости демократического. Ведь, на самом деле, никакого соперничества между партиями нет. Они по-прежнему являются цельной элитой, составляющей программы таким образом, чтобы одна из них была заведомо лучше другой, тем самым, в зависимости от текущих целей, избирая нужного представителя.

Эта система крайне эффективна, за счет подобного регулирования в развитии Города все время поддерживается один и тот же курс. А люди остаются довольными, поскольку, как известно, хотят хлеба и зрелищ, а вовсе не реального влияния на политику. В составе ГСБ даже есть специальный отдел, отвечающий за продумывание конкурирующих политических программ, лозунгов и мероприятий, розыгрышей и подарков для жителей, приемов, которые применяют лидеры партий для привлечения населения (разумеется, в том объеме, чтобы победил нужный кандидат). А если коротко – за восхитительное политическое шоу, столь сильно любимое нашими горожанами.

Вот и сейчас разыгрывается очередное представление, в котором 12Г345О, представитель партии законодателей, путем честного голосования одержит победу над 43Р210Д, представительницей партии службы безопасности.

Женский голос, немного с хрипотцой (теперь мой идентификатор разговаривает именно так), сообщает о прибытии поезда к искомой остановке 7—2. Прошло уже больше недели, а я все никак не могу привыкнуть к его звучанию, что в очередной раз доказывает – Зэт знает меня даже лучше, чем я сам. Ведь проблема всех предыдущих вариаций заключалась именно в скорости моего к ним привыкания и, соответственно, в возникающей скуке, а затем и в отвращении к ним.

Да, недооценивать значение скуки никак нельзя... Это один из основополагающих факторов, вынуждающих власть сменять уже исполняющего свои функции мэра на другого, применять неожиданные предвыборные ходы и вообще всячески развлекать население. Можно было бы подумать, что народ хочет видеть новые лица в правительстве, поскольку его не устраивают действия старого, но, на самом деле, причина вовсе не в этом. Будь оно хоть трижды прекрасным и мудрым, стоит ему застыть на сколь-либо продолжительный срок, как людям становится тошно, – их не волнуют проекты и законы, не волнует смысл принимаемых решений, зато волнует тот факт, что уже просто физически невозможно слышать один и тот же голос в информационных потоках, видеть одно и то же лицо на экранах. Поэтому так важно раз в несколько лет, в соответствии с волеизъявлением горожан, избирать нового лидера.

Поднявшись на поверхность, я вспоминаю прочтенную мной пару недель назад книгу. В ней достаточно подробно излагалась мировая история, начиная от самых древних времен. Империи возникали и распадались, развязывались войны различной величины и значения, политические режимы приходили на смену друг другу лишь затем, чтобы пасть, так и не сумев

полностью утвердить себя и свои идеалы. Все это многообразие произвело на меня странное ощущение заикленности, повторения одного и того же сюжета раз за разом.

Каждая революция, каждый перелом в векторе развития государств, прежде всего, происходил в головах у людей, которые смотрели по сторонам, искали альтернативы чего-то иного, лучшего и более привлекательного. И когда эти враждебные для политического устройства идеи проникали внутрь, начиная распространяться в общественном сознании с огромной скоростью, строй погибал подобно человеку, пораженному раковой опухолью.

И именно поэтому система управления Городом столь эффективна, – предложи населению как можно больше вариантов, утопи его в многообразии продукции, бесчисленных оформлениях внешнего вида жилищ, тысячах конкурирующих потоков информации, множестве озвучек, программных апдейтов и функциональных надстроек для персональных идентификаторов. Заставь людей совершать выбор буквально на каждом шагу, создай прочную иллюзию того, что каждое из этих решений непосредственно влияет на качество их жизни, определяет их дальнейшую судьбу.

Но, на самом деле, все это лишь запутанные ответвления и перекрестки единого лабиринта, где, сколь уникальным бы ни был маршрут, ты выйдешь в одно и то же, давно установленное место. Поскольку за всеми мириадами пройденных развилок не скрывалось ни одной действительно новой идеи, ни одной реальной альтернативы.

Люди, как и сама жизнь, любят находиться в движении, но если ты хочешь стабильности, то ответ прост и очевиден, –пусти их бегать по кругу. А единственной угрозой, которая после этого останется для политического строя, будет устаревание и закоснение правящей элиты. Однако и это вовсе не является проблемой, ведь партии постоянно, хоть и в небольших количествах, набирают новых членов, тем самым обеспечивая приток свежей крови и решая проблему с редкими исключениями среди населения: очень талантливыми и амбициозными людьми, сумевшими каким-то удивительным образом, приподняться над столь старательно сплетаемой паутиной.

За размышлениями о доведенной до совершенства политической структуре нашего Города, я и не замечаю, как прохожу всю дорогу до здания архива, на вид абсолютно идентичного окружающим домам, за исключением, разве что, крайне потертой таблички с плохо различимым текстом: «Хранилище документации и прочих материалов». Приложив идентификатор, я проникаю внутрь. Попастъ в это место могут только горожане с уровнем доступа не ниже пятого, которым я, вследствие своего служебного положения, и обладаю.

Первое, что привлекает внимание любого посетителя зашедшего в архив, это полная тишина и находящаяся повсюду, парящая в воздухе, покрывающая каждую поверхность пыль. Что, честно говоря, довольно-таки странно, поскольку все остальные принадлежащие ГСБ помещения исправно убираются роботами соответствующей модели, которых в этом здании я почему-то ни разу не видел.

Я поднимаюсь на второй этаж (всего-то из шести существующих), где находится мой любимый кабинет с самыми удобными креслами, а, главное, установленным возле него, единственным на все здание автоматом с напитками. Уже на выходе из лифта меня охватывает странное, пробивающее до мурашек ощущение, что я вступаю на совершенно чужую, неизвестную и загадочную территорию. Территорию Старого Мира.

Сложно объяснить, что именно изменяется вокруг или, возможно, только внутри меня, когда я даю команду включиться архивному компьютеру, когда передо мной на экране появляется бескрайний каталог запретных произведений, разобраться в хитросплетениях которого под силу разве что его создателю.

Я ощущаю это как черную дыру, затягивающую все вокруг, пропасть, едва заглянув в которую становится ясно, – лишь сделай шаг, и дороги назад для тебя больше не будет. Но что кроется там внутри? Вот тайна, не дающая мне покоя, приводящая сюда снова и снова, застав-

ляющая все ближе подходить к этой бездне, гадая, сколько еще я смогу балансировать на ее краю.

Впрочем, получить ответ на подобный вопрос, можно только одним способом, а значит, пора бы мне уже приступить к выбору книги. Обычно, я стараюсь найти другие произведения понравившихся писателей, но сегодня мне хочется чего-то принципиально нового, поэтому я просто приказываю архивной системе вывести на экран случайный документ и, погрузившись в его изучение, на время исчезаю из этой вселенной.

Возвращаюсь я только через несколько часов и сразу устремляюсь к автомату добывать кофе, поскольку моим усталым мозгам явно требуется пауза. Концентрация устаревших слов, для понимания которых пришлось пользоваться словарем, в этой книге оказалась рекордно большой.

Вскрыв банку, я делаю первый глоток и привычно морщусь, – кофе в архиве катастрофически плох. Вернувшись обратно в кабинет и продолжая уничтожать эту непонятную горькую жидкость, я начинаю обдумывать прочитанное:

Сюжет истории достаточно прост. Принц одной страны узнает, что его отца предательски убили и, разумеется, хочет отомстить. Только вот, воплощает свои планы он столь нелепо, что в результате, помимо обидчика, погибает куча совершенно неповинных людей, в том числе, его собственная мать и возлюбленная. Да и сам главный герой, если уж на то пошло, не избегает смерти, что в целом неудивительно, учитывая его излишнюю эмоциональность и полное неумение просчитывать последствия своих слов и действий.

Если так посмотреть, получается, что произведение это более чем спорное. Однако, несмотря на абсолютную нелогичность поступков принца, я почему-то не могу относиться к нему, как к заигравшемуся в месть безответственному ребенку.

И, возможно, причиной является один странный момент, примерно из середины книги, где герой истории размышляет о самоубийстве (все же насколько вредные идеи содержатся в том, что раньше свободно мог прочитать кто угодно, даже дети!). Причем смерть, в его мыслях, представляется чем-то привлекательным, сулящим избавление от всех ужасов и несовершенств нашего мира. А единственным, что не дает выбрать столь соблазнительный вариант, оказывается страх перед неизведанным. Страх того, что может ожидать нас после смерти. Именно он мешает нам трезво осознать не только преимущества прекращения жизни, полной несправедливости и мучений, но и сам факт наличия подобной альтернативы.

– Напоминание. Через тридцать минут вы должны прибыть в релакс-зал для восстановления и отдыха, – бесцеремонно прерывает мои мысли идентификатор, заодно, надо понимать в подтверждение своих слов, выводя на экран часы, где действительно значится 16:00.

Выходит, мне и вправду пора бы уже покинуть архив. Переместившись на улицу, я нахожу ближайшую стоянку машин, решив, что общественного транспорта с меня на сегодня довольно, и отправляюсь в сторону единения с виртуальной природой.

И все же, я никогда в жизни, как и подавляющее большинство горожан, всерьез не задумывался о самоубийстве. А ведь не исключено, что это единственный значимый выбор, который у нас есть... Впрочем, жители города пребывают в убеждении, что они собственноручно вершат свою судьбу и влияют на развитие общества. Но что делать мне? Ведь я знаю, что последствия моих решений ограничиваются разве что цветом стен или звучанием голоса, сообщающего, куда и к какому времени я должен прибыть. И кто по итогу свободнее, наши прекрасные горожане, дремлющие в плену сладостных иллюзий, или я, знающий правду? Может ли быть, что возможность прекратить свое существование и в самом деле последняя реальная альтернатива, которая у меня осталась?

– Нужно успокоиться, друг, – я пытаюсь привести в порядок свой разум, – ты знаешь, это все негативное влияние «искусства» старого мира, соберись! – подобные диалоги с самим

собой – проверенное временем средство вернуться в адекватное состояние, особенно если вывела из равновесия тебя какая-нибудь полнейшая чепуха.

Очевидно, что мои согорожане довольны жизнью. Разве это не главное? Они могут выбрать, как провести вечер, в какой ресторан сходить, наконец, с кем вместе проснуться в одной постели. Да, возможно, это все незначительные мелочи, но разве не из них состоит жизнь? И с чего бы это вдруг мне требовалось нечто принципиально иное...

Видимо под влиянием подобных самоуверенностей, а может, просто в силу любви к лесным прогулкам, вблизи релакс-зала мое состояние уже мало чем отличается от обычного, так что я, зарегистрировавшись на входе, весьма бодро и радостно захожу в лифт и начинаю вместе с группой случайных попутчиков спускаться к помещению с капсулами. Думать о чем-то серьезном больше решительно не хочется, и я от нечего делать принимаюсь разглядывать экраны с объявлениями на стенах.

Крайне малоодетые девушки, облепившие явно сдающего под их напором, но все же сохраняющего героическое выражение лица киборга, призывают приобрести какую-то компьютерную игру. С другой стены на меня покровительственно и, в то же время, по-дружески заботливо взирает Го, явно намекая, что именно ему стоит доверить управление Городом. Ну а на третьей я обнаруживаю действительно любопытную информацию: строительство семнадцатого релакс-зала, на который будет переписана часть жителей нашего района.

Эта, казалось бы, нехитрая новость означает, что руководство Города собирается в ближайшее время повысить численность населения, поскольку с текущим потоком отдыхающих отлично справляются и существующие шестнадцать. Интересно... Обычно подобное происходит только в связи с запланированным созданием множества новых рабочих мест, а я ни о каких проектах столь внушительной величины даже не слышал. Впрочем, причиной готовящегося демографического роста может являться и то, что в уже существующих компаниях и структурах возросла потребность в сотрудниках.

Проскользнув первым сквозь еще не до конца раскрывшиеся двери лифта, я направляюсь во второй сектор к выделенной мне капсуле и, забравшись в нее, наконец-то впервые за день по-настоящему расслабляюсь.

Я иду по мягкой, податливой, немного пружинящей под моими ногами земле, притрагиваюсь к ребристым, нагретым солнцем стволам, будто наполненным какой-то особой древесной энергией, сочащейся сквозь их поры наружу, – в воздух, в лес, в меня, пропитывающей все вокруг и, кажется, делающей даже само время более медленным, тягучим, смолянистым. Провожу руками по верхушкам растущих то здесь, то там колосьев, срываю их и зачем-то кладу себе в рот, выплевываю, улыбаясь, и иду дальше.

А наверху шелестят в неутомимом движении листья, пропуская сквозь редкие прорехи в своем зеленом занавесе золотистые лучи солнца, пронзающие полусумрак косыми четкими линиями. Стрекохот, укрывшись в траве, невидимые насекомые, тревожимые разве что птицами, перекликающимися где-то вдалеке, да ветром, играющим каждым стебельком их непрочного жилища, шуршащим вихрем вырывающимся наружу, уносящимся дальше, вверх, чтобы там, достигнув крон, постукивать ветками, выбивая странный ломаный ритм. И все это вместе, вокруг, во мне, единым потоком звучит и играет, сливаясь в чудную, одновременно успокаивающую и будоражащую музыку. Музыку леса.

Дойдя до прогалины, я останавливаюсь и понимаю, что совершенно не испытываю желания двигаться куда-то еще. Подложив под голову руки, растянувшись во всю длину, я располагаюсь на склоне небольшого холма и начинаю смотреть на небо. Есть что-то невероятно приятное, гипнотизирующее в его изначально плоской, а затем, с течением времени, все более и более объемной, приобретающей глубину синеве. И, конечно же, в облаках. Их мягкие очертания, бесконечное разнообразие форм, размеров и высоты полета: порой кажется, – протяни руку и дотронешься, сможешь ухватить, достать. А бывает, напротив, целая пропасть,

и они в этой недостижимой дали мерно движутся, свершая свое нескончаемое шествие по небосклону. И если лежа на спине смотреть долго-долго, то в какой-то момент понимаешь, что вовсе и не небо наверху, а ты, и сейчас упадешь во все это великолепие, захлебнешься в пропитанной солнцем лазури, разлетишься на миллионы брызг. И ладно, и пускай, ведь ясно же – это и будет самое что ни на есть счастье.

Я кладу ногу на ногу, рассеяно провожу рукой по сухой, немного песчаной почве. Не странно ли, что именно в этом искусственном, виртуальном месте я чувствую себя наиболее живым, свободным от постылой обыденности Города? Хоть и понимаю, что оно создано как раз с этой целью, предоставить жителям привлекательную иллюзию, способ сбежать от надоевшей реальности. Однако, даже в момент их отдыха, сладостных грез, когда разум человека блуждает в поисках освобождения от привычной системы, будь то сам Город, его политика или какой-нибудь сущий пустяк, вроде скучной работы, – продолжать контролировать, не выпускать из своих длинных и цепких лап. Контролировать хотя бы потому, что ты и предлагаешь место, куда осуществляется бегство. Владеешь им.

И, наверное, по этой причине так важно запретить все то, что раньше считали искусством, а современное творчество тщательно приводить в соответствие с установленными стандартами. Ведь каждая старая книга, каждая картина и песня скрывает в себе иную, параллельную, неподконтрольную власти вселенную, где с ушедшим в нее человеком может происходить все что угодно. А это уже, в свою очередь, фактически измена. Поскольку потенциально может вести к измене. А значит, нужно закрыть, подменить, уничтожить.

Я тяжело вздыхаю. Ну вот, снова нарушил свой основной принцип – не думать в лесу о Городе. Я переворачиваюсь набок так, что часть неба заслоняет какая-то трава с длинными узкими листьями, по центру которых проходит более темная прожилка, хорошо заметная на фоне остальной бледно-зеленой, просвечиваемой солнцем и от того будто светящейся изнутри части. Завороженный ее плавным покачиванием, я постепенно возвращаюсь обратно в расслабленно-позитивное состояние. Зеленое на синем, вверх-вниз, туда-сюда...

Внезапно что-то падает мне на лицо, пробуждая ото сна. Я резко сажусь и вижу, – теперь уже у меня на коленях, лежит нечто зеленое и, кажется, живое. Я начинаю изучать этот неопознанный объект, у него шесть длинных согнутых лапок, причем задние поднимаются ощутимо выше спины, две торчащих из головы непонятных штуковины, похожих на леску и, вроде как, крылья на спине. Судя по количеству ног, не пойми откуда взявшееся существо является насекомым (изучение коллекции бабочек Зета не прошло даром), и, если картинки, что я видел в некоторых книгах, не врут, таких называли кузнечиками. Удивительно. Видимо накатили новый апдейт, добавив к программе леса их модели. Вот уж не ожидал. Интересно, насколько они натуральные? Я пытаюсь схватить его, но он, оттолкнувшись задними конечностями, улетает куда-то вперед. Ну ладно, по крайней мере, с инстинктами выживания все в порядке. Может, еще чего добавили? Вроде я ничего странного не видел...

Над левой рукой материализуются часы, а женский голос, заботливо, но настойчиво звучащий в мозгу, напоминает, что до конца отдыха остается всего лишь десять минут. Я встаю на ноги и начинаю двигаться в сторону опушки. На самом деле, совсем неважно откуда возвращаться в релакс-зал, но я, по привычке, всегда прихожу к точке своего появления в лесу. Возможно, моему мозгу просто удобнее воспринимать это мгновенное перемещение между мирами, привязав его к какому-то определенному месту.

Уже через семнадцать минут, поднявшись на основной уровень Города, я отправляюсь в антигресс, мерзейшее заведение, походы в которое, к сожалению, столь же обязательны, как и отдых в релакс-зале. Тем обиднее, что на этой неделе они выпали на один день. Но тут ничего не поделаешь, раз уж Единая Система Расчетов и Вычислений составила расписание именно таким образом, значит, тому и быть.

Да и сам я вполне понимаю необходимость и пользу происходящего в антигрессе. Как бы счастливо ни жил человек, раздражение, злость и агрессия все равно накапливаются и ищут выхода. Разумеется, для этих целей могут служить спорт и активная работа, но, как показывает опыт старого мира, лишь их недостаточно. Умелые политики, лидеры древних государств, использовали один очень интересный прием, они создавали (правильным образом подавая информацию) образ сильного недремлющего врага за пределами страны, тем самым вынося объект агрессии за ее границы и даже реализуя возникающие вследствие этого страх и ненависть, как средство сплочения населения.

К сожалению, применить подобный прием у нашего правительства нет никакой возможности, поскольку, по сути дела, за пределами Города ничего нет, да и вся остальная политика построена так, чтобы люди не задумывались о существовании внешнего мира. Поэтому, когда поначалу принимавшие на себя всю злость тяжелые условия существования, стали более терпимыми, возникла опасность, что все чаще появляющиеся вспышки недовольства и неуправляемой агрессии просто взорвут Город изнутри, так что нашим ученым пришлось спешно решить эту непростую задачу: создание процедуры, позволяющей безопасно для здоровья избавляться от негативных эмоций.

Именно ответом на этот вопрос и выступили антигрессы, залы с многочисленными комнатами, мягкими изнутри, где, насколько я знаю, при помощи специальных газообразных веществ, а также определенных, неуловимых человеческим слухом звуков посетитель вводится в состояние мощнейшей всепоглощающей ярости, начиная швырять расположенные в них предметы, бить кулаками по стенам, до тех пор, пока не выплеснет из себя всю скопившуюся отрицательную энергию, очистившись и вернувшись к позитивному состоянию добропорядочного горожанина.

Проходить подобную процедуру положено раз в три недели, и мой черед снова настал. Я захожу в ближайший из многочисленных корпусов антигресса, регистрируюсь и, получив номер комнаты, попадаю в длинный коридор, с обеих сторон которого располагаются, уходя вдаль, ряды дверей. Найдя необходимую мне под номером «101» и увидев, как она медленно, но неотвратимо открывается, я окончательно смиряюсь с тем, что меня ждет, и захожу внутрь.

Раздевшись до нижнего белья в специальном закутке, я перемещаюсь в основную часть помещения, где некоторое время просто стою, глубоко дыша и смотря на в целом весьма позитивную розоватую расцветку стен. Они мягкие и довольно уютные, как и пол, я даже думаю сесть, облокотившись на них спиной, но тут понимаю, насколько сильно ошибся. Только полнейший дебил, ничего не смыслящий в дизайне, мог выбрать такие цвета для покрытия, оставив потолок абсолютно белым. Они же совершенно не сочетаются!

Я подхожу поближе к стене так, чтобы уродские стыки не попадали в поле зрения, и содрогаюсь от отвращения, – пористо-шероховатый материал весь испещрен маленькими дырочками и каналами, вмятинами и рытвинами. Мне представляется нечто ползающее и склизкое, обитающее в этих норах, мерзкие существа с заостренными жвалами, что только приложи руку к стене, посыплются из всех щелей, заполнят пол, поднимаясь все выше, начнут заползать на мое тело, вгрызаться в него, проникать в уши, рот и ноздри, пока я не задохнусь под их нескончаемым напором.

Еле сдерживая рвотные позывы, я отпрыгиваю назад и снова вспоминаю о создателях антигресса, сволочах и аморальных вырождаках, это они запустили в стены омерзительных тварей, это они виноваты в том, что меня заперли здесь. Я начинаю бить ногой по полу. И что? Они думают, я испугаюсь?! Ха! Да я разнесу все вдребезги! Насекомые? Я представляю, как их спинки хрустят под моими ногами, выплескивая желтоватую вязкую жидкость. Я хватаю стул и бросаю в стену. Ну! Где же эти личинки? Давайте! Меня переполняет ненависть, я прямо чувствую, как уничтожив здесь все и проломав выход наружу, доберусь до них. Буду крушить и впиваться зубами... Я еще заставлю их пожалеть!

Город? Правительство? Смешно! Я все уничтожу! Думают, сидят там в своих кабинетах в безопасности? Испоганили всю планету, а теперь хотят наслаждаться жизнью? Я им покажу наслаждение... Я, что есть силы, впечатываю ногу в стену. Я знаю, где располагаются атомные реакторы, мы еще взлетим наружу к звездам! Я начинаю биться головой об пол.

Наружу? К звездам? Я смотрю на стену. Она розовая, и это лишь немного похоже на кровь. Довольно успокаивающий цвет. По моей спине и лицу течет пот, и я понимаю, что все закончилось, положенные мне полчаса агрессии истекли. Осталась лишь пустота и усталость. Я возвращаюсь к своей одежде, принимаю душ и выхожу на улицу. Пора домой.

После посещений антигресса мне всегда немного стыдно: вокруг идут такие позитивные и безобидные горожане, погруженные в свои идентификаторы, обсуждающие работу, просто треплющиеся о пустяках. А я хотел все уничтожить... И, да, я понимаю, что это было вызвано специальными веществами, но ведь появляющиеся образы неспроста именно такие, их зачатки сидят где-то внутри меня. Как замечательно, что я никогда не дойду до подобного ужаса. А все благодаря системам Города и, в частности, антигрессу. Однако, что за странные насекомые мне в этот раз привиделись? Фу! Хорошо, все-таки, что следующее посещение только через три недели. Хотя, чего уж там, я бы их точно героически победил. Лок – Гроза Личинок. Забавное прозвище. Я начинаю смеяться про себя и до самого дома иду, продолжая улыбаться, делясь позитивом с оказавшимися на пути жителями наипрекраснейшего места на свете, нашего Города.

Прибыв домой, я чувствую себя крайне вымотанным, несмотря на то, что часы показывают всего лишь 21:03. Хотя, в дни посещения антигресса всегда так. Я ужинаю мясом с овощами, после чего раздеваюсь и ложусь в кровать, приказав идентификатору развернуть псевдоголограммный экран на всю комнату. Что бы такого посмотреть перед сном? Впрочем, выбор вполне очевиден. У меня же, как раз, есть запись новой программы Сью. Она длится около двух часов и отлично подойдет для засыпания.

Сью появляется в дальнем конце комнаты, у двери, на ней шерстяная кофта крупной вязки, которая лишь чуть-чуть прикрывает ее длинные, потрясающие гладкостью кожи и совершенством линий ноги. Густые каштановые волосы распущены и свободно спадают вниз, достигая середины спины. Она плавной походкой приближается и садится на край кровати (это уже постаралась программа вписывания происходящего в интерьер, браво!). И тут я понимаю, что, собственно говоря, кроме шерстяной кофты на ней больше ничего и нет. Плохо. То есть, конечно же, очень хорошо. Но, если она будет много двигаться, придется дать ролику рейтинг 18+, а это ее расстроит. Впрочем, Сью свое дело знает, в чем я и убеждаюсь, увидев расческу у нее в руках. Выходит, излишне обнаженный вид будет компенсироваться максимально приличным содержанием. Умно.

Она проводит гребнем по волосам, и мою голову наполняет звук, транслируемый идентификатором напрямую в мозг, поражающий чистотой и объемом звучания. Странные мы существа, люди, один лишь вид красивой девушки, шелест соприкасающихся, шуршащих с легким потрескиванием, трущихся о расческу волос, перемежающийся дыханием, способен повергнуть нас в расслабленное наслаждение, сладкую негу, где нет места ничему, кроме покоя и этих чарующих, гипнотизирующих звуков...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.